

Персона

Чужой среди своих

Полтора часа с Михаилом Козаковым

Михаил Козаков стал мифом в прежней, советской жизни. Злодей из «Человека-амфибии», Гамлет у Охлопкова, Дон Жуан у Эфроса, умница, интеллигент, блестящий артист и тонкий режиссер — его узнавал обыватель, им восхищалась элита, работы Козакова пользовались бешеным успехом. Потом жизнь переломилась, и вокруг Козакова стал возникать иной миф: он

был одним из первых эмигрантов новой, перестроечной волны, о причинах его отъезда и о том, как ему живется в Израиле, говорили много и долго. Но вот Козаков вернулся: он живет в Москве, ставит спектакли, играет, ему уже шестьдесят шесть, а мы не знаем о нем, теперешнем, почти ничего... Мы встретились с Козаковым в его квартире на Ордынке —

белые стены, книги, хозяин дома, то и дело потирающий плечо: на канадских гастролях Козаков упал в сценический люк и сломал себе ключицу. Он нервничал и говорил о том, что его волновало: артистическая независимость граничит с рабством, актер — человек публичной профессии — сам бесстыдно напрашивается на хвалу и провоцирует клевету...

— Михаил Михайлович, вы-то никогда ни у кого ничего не просили — Козаков всегда гулял сам по себе и не состоял ни при начальстве, ни даже при режиссерах...

— Так и доживу. Хотя я и влюблялся в режиссеров, — а они порой влюблялись в меня. Мне многое дал Охлопков, очень много Эфрос — я брал у всех! — но моим главным учителем стал Олег Николаевич Ефремов. Я работал с ним в «Современнике», потом во МХАТе, а затем ушел и от него, и мы не были рядом тридцать лет. Когда праздновали столетие МХАТа, я не сидел на сцене вместе с «отцами-основателями», но потом мы подылились наверх и продолжили в нашем, узком кругу. Миша Рошин, Саша Володин, Таня Лаврова, Олег... Тогда он — впервые в жизни — поднял за меня тост. Ефремов сказал, что у него было много учеников, но я твердо усвоил его старые заветы...

— Какие заветы?

— Мировоззренческие. Олег говорил об этическом оправдании актерской профессии — она ведь не случайно считается «женской». Она, откровенно говоря, продажная. Актерское дело может стать созидательной силой, а может и разрушить...

— Мне кажется, что Олег Николаевич и сам был разрушителем — по крайней мере, по отношению к самому себе. В нем было и божественное начало, и... Нет, нет, не продолжайте, я так его любил! Сатанинского начала в нем, разумеется, не было. Распушенность? Да, может быть — но кто не грешен... Он был человеком от Бога, время от времени впадавшим в грех.

В нашей профессии нельзя плыть по течению, здесь нужен постоянный самоконтроль. Даже играя водевиля, ты должен понимать, для чего ты это делаешь. Я был Полонием в ленинском «Гамлете» — и отказался от роли. Марк Захаров разозлился, а я не мог ее играть, эту роль, она меня разрушала. Я не выносил эфросовскую «Дорогу» — режиссер шел против классики, а я этого не принимал. Чичиков произносил текст самого Гоголя, а я, Автор, одного из второстепенных персонажей второго тома «Мертвых душ» — но ведь этого не может быть потому, что этого не может быть никогда! Муха продолжалась два года, потом Эфрос сказал мне: «Ты будешь играть или уходи!» И я сыграл спектакль еще три или четыре раза, а потом ушел из театра. Я всегда уходил, если мне что-то не нравилось, — так я ушел в Израиле из Камерного театра и занялся преподаванием и «Русской антрепризой».

Я оставил жен, театры, дом, страну... Театры и жен — навсегда, а страну вернулся.

— Но своим так и не стали.

— А кто такие «свои»? Для меня «свои» — это народ, а он ко мне непохож. Я лагу с рабочими людьми, отлично общаюсь с деревенскими. Неловно

я ездил в деревню Грязь Черная, где провел четыре года во время войны, и мне там были рады. Я жил в деревне и раньше, когда посадили маму, — я был чернявый мальчишка, полувейчик, но ни разу не слышал слова «жид».

— Для этого в России нужен особый талант.

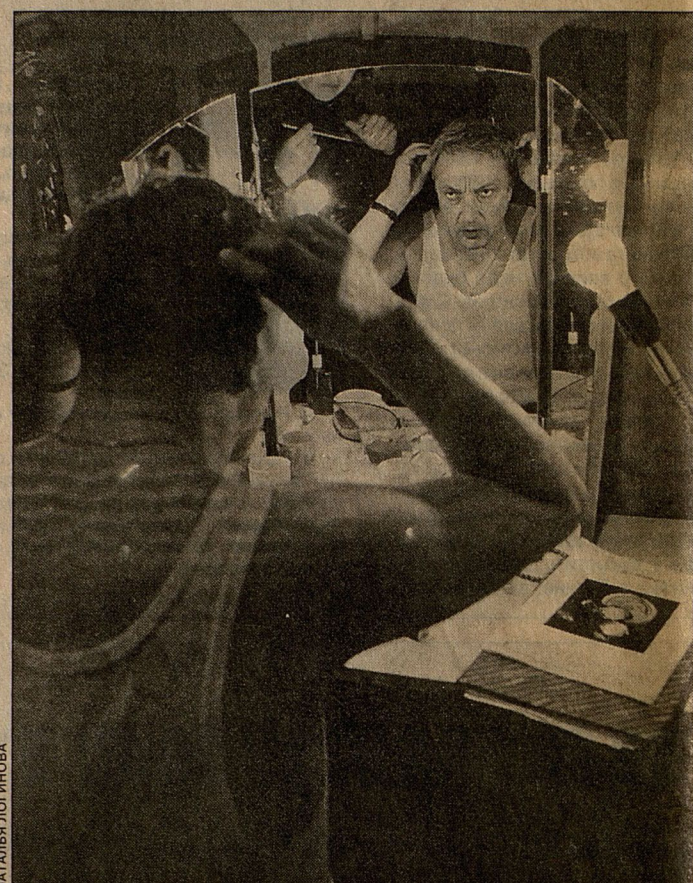
— А вот не слышал. Ни в деревне, ни в школе.

— Почему же тогда вы оставили нашу замечательную страну?

— Дело в детском питании, ставшим символом унижения. Я уехал из СССР в 1990 году, когда у меня родился Мишка. В театре я не работал, мой фильм «Тень, или Может быть, все обойдется», снятый по пьесе Шварца, был показан после того, как один человек дал на это полмиллиона, и я эту ситуацию кровью отхаркал. Я понял, что никогда больше не буду снимать моего любимого Шварца, что профессия телевизионного режиссера, которую я так долго нарабатывал, в моей стране больше не нужна. И что мне было делать? Шоу вести? Но я не умею брать интервью — тем более на телевидении. Я не Ярмольник. Пускай ярмольники задают тон на телевидении, пусть кино правят рудинштейны — я не против. Беда в том, что из-за них нет места нам.

Телевизор умер, «Покровские ворота» сегодня стоили бы около миллиона долларов, «Безымянная звезда» — тысяч шесть-семь. Кто, скажите, даст такие деньги? Фильм, который я снял по своему спектаклю «Ужин в четыре руки» (история встречи Баха и Генделя, в ролях — я, Стеллов и Гречен), имел смету в тридцать тысяч долларов и был сделан за шесть съемочных дней — вдумайтесь, это двухсерийный-то фильм! На съемочный день декорации несли, и я досматривал фильм в собственной квартире — в результате мы ее чуть было не сожгли, хорошо жены дома не было... И показали его благодаря Шварцу, который тогда командовал вторым каналом, один раз, в полпервого ночи. Что поделать — элитарное кино... Но раньше-то сложнейшие телеспектакли шли в нормальное время, и все их понимали — а теперь телевизионное само приучило публику к муту и жвачке.

Все это я прощес еще в девяностом году — и тухнул по первой статье. Что делать, куда идти — ведь на театральную зарплату детей не прокормишь. И я бродил по пустым магазинам, торговал лицом: «А, артист... Ну, Дуся, отпусти ему». Я выходил черным ходом, таша сумки с продуктами, — и матерился про себя. А у меня маленький ребенок, и Аня без работы, ее родители пенсионеры, и сам я непонятно что. Вот я и уехал. И обрел что хотел. Я доказал себе, что я не трус, я поднял Мишку — в Камерном театре мне сразу положили тысячу долларов. Для Израиля это небольшие деньги (одна квартира обошлась нам в шестьсот долларов) — но детского питания было навалом, и не

«И вот, хоть уж обрешено это тряпье, и нет театрального хлама...»

надо было думать об одежде. Там ведь в трусах можно ходить... И никаких чернорубашечников за окном. Это сейчас на них плевать, а тогда было страшно. (Аня еврейка, и она тоже боялась.) В эмиграции я обрел новый жизненный опыт, и Израиль мне понравился. Я сам себе в Израиле не понравился — но это уже другой вопрос.

Я никогда в жизни не унижался столько, сколько в Израиле. Сначала я плохо знал иврит и поэтому чувствовал дикуую ущербность: монологи Тригорина я произносил, понимая каждое слово, но не мог сказать «передать мне галстуки» и говорил «твоя моя пошла». Я ставил спектакли в театральной студии «Ниссан Натива», и главные режиссеры из «Габимы» и Камерного смотрели и хвалили. Я ждал приглашений на постановки, но их не было — зато они давали ставить режиссерам, приезжающим из России. Они приедут и уедут, а я тут живу — и вдруг я сделаю хороший спектакль? Выходит, мне опять работу нужно давать и растить конкурента? А за преподавание в Израиле платят так же мало, как и у нас, — и к тому же в одном преподавании мне тесно. Я мог сидеть в Камерном театре и что-то играть — но мне это не нравилось.

Я играл на иврите, и ставил на иврите, и преподавать на иврите научился, — мои студенты сейчас играют главные роли и в театре «Гешер», и в Камерном театре, и в «Габиме». Спасибо Израилу — там я узнал, что такое настоящее одиночество, и навсегда убил в себе совковое желание пожить за границей;

для того, чтобы избежать искушения, надо ему поддаться. Господь мудрее нас — мне надо было через это пройти.

В Израиле я написал вторую часть своей книжки. Многие обдумал. Организовал свою антрепризу. Я показывал свои спектакли в Израиле, возил их в другие страны — а потом и в Россию... Мы играли в Москве, Ленинграде, Владивостоке, Одессе, ездили в Вашингтон и Нью-Йорк. «Цветок смеющийся»

Пресс-пресс

«Никого не удивит сообщение о том, что в течение одного года Михаил Козаков снялся сразу в трех телекартинах трех разных режиссеров. Но случилось так, что во всех трех фильмах Козаков сыграл роль Феликса Эдмундовича Дзержинского...»

«Советская культура», 17 февраля 1981 года

«Козаков Козаков уехал, он в какой-то мере «бесился с жиру». Во втором своем российском воплощении актер обозначен обратным — «быть бы живу».

«Михаил Козаков уехал в Израиль, когда обожание поколения, к которому он принадлежал, сменилось вежливым и едва ли не оскорбительным интересом».

«Искусство», 9 апреля 1997 года

«Сегодня», 8 апреля 1997 года

«Я столкнулся с этим в Израиле: можно ставить одни серьезные пьесы, но сколько пройдет твой спектакль — десять, двадцать раз? Любителей поэзии, по статистике, три процента, любителей серьезного театра процентов четыре-пять: так обстоят дела не только в Израиле, но и в России...»

«В прежней, советской жизни мне казалось, что их значительно больше.

— Так ведь театральные билеты стоили тогда три-пятьдесят, и мы в Театре на Малой Бронной месяц сидели в Барнауле с эфросовским «Дон Жуаном»! А когда

«У нас с Аней двое замечательных детей, дело, дом. Но когда я слышу слово «любовь», мне становится неуютно: человек — несчастное животное, его жалеть нужно. Идиллический, к сожалению, не бывает: у меня бешеный характер, характер Ани не уступает моему. К тому же она продюсер, а я художник — отсюда и конфликты. Но обоим без нее я не могу. Сначала я было попробовал делать организационную работу сам, и меня надвинули все кому не лень. А Аня сидела дома, скучала и просила дать ей попробовать — попробовав, она моментально привела в чувство тех, с кем я не мог сладить. Сейчас Аня стала очень хорошим продюсером. Теперь она и без меня может существовать».

А познакомились мы с ней в библиотеке... Ну что, поверили? В ресторане ВТО — на пьянке! Мама тогда как раз мне пеняла,

что я бесконечно женюсь: четыре брака — это уже чересчур... Мою первую жену звали Грета, и мы дружим с ней до сих пор — у нас уже внуки взрослые. Потом у меня был недолгий брак с замечательной женщиной Мелеей — она была грузинкой, а наш театр гастролировал в Тбилиси — я вообразил себя Грибоедовым, она — Ниной Чавчавадзе. Я привез Мелею в серую и тусклую Москву, и праздник быстро кончился — она поглядела вокруг себя и вскоре упрямилась домой. Наша дочь Манана сейчас актриса в Тбилиси. Затем я сменял лет был женат на Регине. Детей у нас не было, и кончилось дело тем, что она оставила меня и уехала в другую страну. Вот мама и пилила меня за неправильную личную жизнь, а я отвечал: «Ну где мне искать хорошую жену, не в ресторане же ВТО!» Однако там и нашел.

Я закончил снимать «И свет во тьме светит», готовился к «Визиту дамы» — гениальное время, работы шли одна за другой! Мы отснялись и ехали вместе с Петренко по улице Горького — я вышел уеще не сторежше ресторана ВТО.

— Ну, ты сегодня и напьюсь.

— Да, может быть...

В ресторане ВТО образца тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года шла обычная гуляба — место было живое. За одним из столиков сидели Сокольский, Невинный — я подсел к ним, и мы начали гадать.

А рядом расположились две девушки: «Смотри, Миша, они на тебя поглядывают». Я подошел, мы познакомились и вечером поехали ко мне в гости: один актер, я и две подружки. С такой ерундой все и началось... Я ее, правда, тогда замучил: стал ставить сонаты Бетховена, стихи читать — словом, проверять на выносливость... Так ночь и прошла, и наступил другой день. Я поехал в Эстонию снимать кино, она была замужем и должна была уезжать в Германию к своему военному. А тут ей старик попался, на двадцать четыре года ее старше... Потом у нас Мишка родился, затем Зойка — и дальнейшее известно.

— Ваше время, время Самойлова, Бродского и молодежи, взлелеб читательские хорошие книги, в России кончилось, новому времени вы не принадлежите. Плохо чувствовать себя чужим?

— Иногда бывает просто ужасно, не хочется ни ставить, ни писать. Но потом я беру себя в руки, сажусь, начинаю что-то корябать, набредая на какую-то мысль... Стихотворение удачное прочту — и отпускает. Можно еще попробовать побороться за себя, за детей, за свое дело. Мне нельзя опускать руки, у меня есть Мишка и Зойка.

Но у медали есть и оборотная сторона: новое поколение шире и свободнее нас. Нам не все удавалось выразить и сделать: Ефремов читал нам и Мрожека, и Ионеско, и нашего Горенштейна, но поставить это было нельзя. В восьмидесят пятую году — уже при Горбачеве — мне вырезали из «Маскарада» сцену отпаивания Нины... Сколько мы дерьма-то переиграли! Я изворачивался, как мог, уходил, когда меня брали за горло, но все же и в пьесе Софронюха играл в Театре Маяковского, а во МХАТе в дуэльном «Обратном счете». Для того чтобы снять «Покровские ворота», мне пришлось сыграть Феликса Эдмундовича Дзержинского... Что делать — грешен.

— Вы боитесь одиночества?

— Вы боитесь улицы?

— Я боюсь толпы.

— Ради чего стоит жить?

— Ради жизни...

— Опыт одиночества?

— Вы боитесь улицы?

— Я боюсь толпы.

— Ради чего стоит жить?

— Ради жизни...

— Опыт одиночества?

— Вы боитесь улицы?

— Я боюсь толпы.

— Ради чего стоит жить?

— Ради жизни...

— Опыт одиночества?

— Вы боитесь улицы?

— Я боюсь толпы.

— Ради чего стоит жить?

— Ради жизни...

— Опыт одиночества?

— Вы боитесь улицы?

— Я боюсь толпы.

— Ради чего стоит жить?

— Ради жизни...

— Опыт одиночества?

— Вы боитесь улицы?

— Я боюсь толпы.

— Ради чего стоит жить?

— Ради жизни...

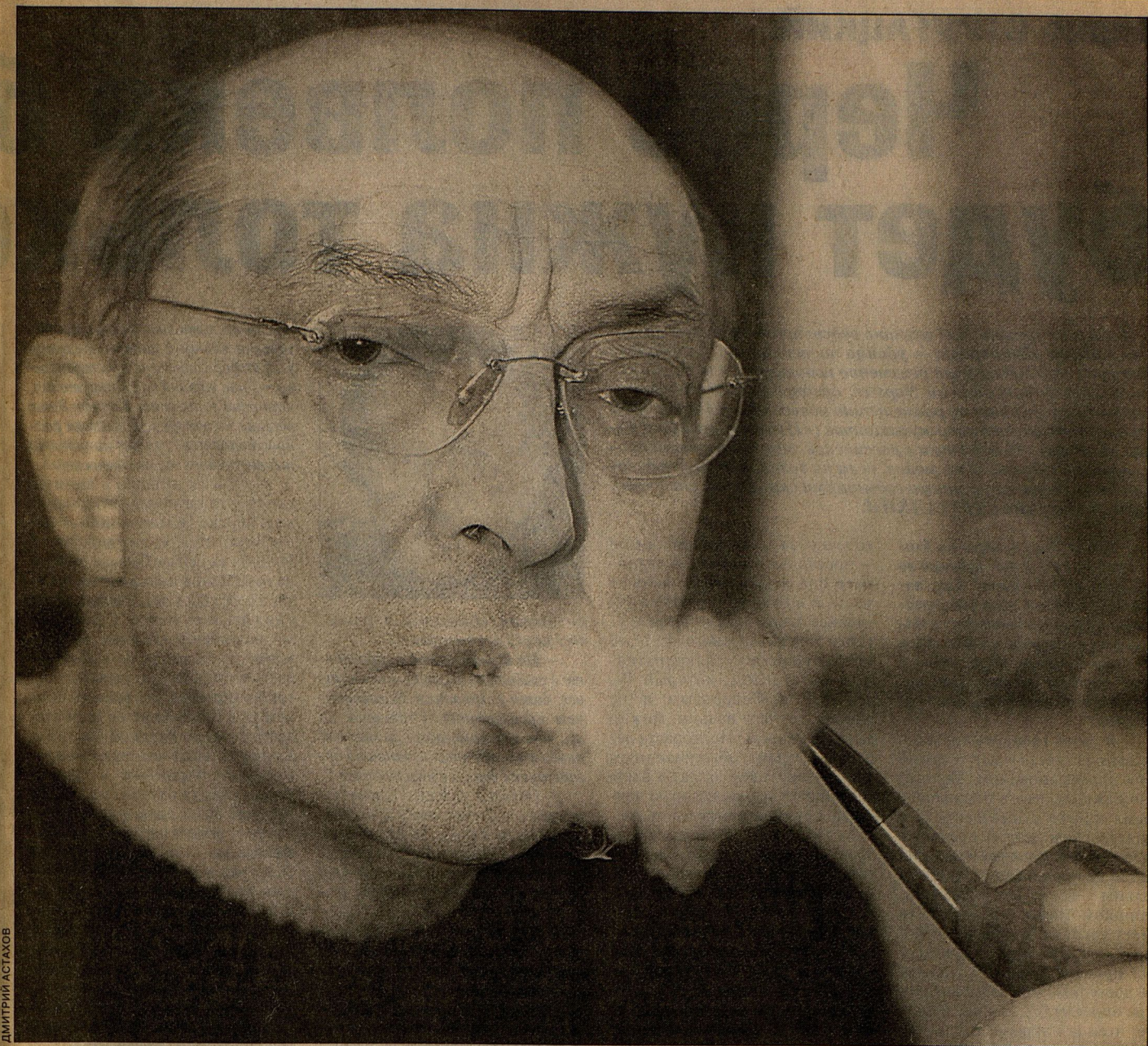
— Опыт одиночества?

— Вы боитесь улицы?

— Я боюсь толпы.

— Ради чего стоит жить?

— Ради жизни...

Гамлет пятьдесят лет спустя

Наша справка

Козаков Михаил Михайлович родился 14 октября 1934 года. Отец — известный писатель, мать — редактор Литфонда (в прошлом столбовая дворянка и невеста Николая Бунуа). Прославился после роли злодея в «Человеке-амфибии». Играл Гамлета в знаменитом спектакле Николая Охлопкова. В 1967 году получил Государственную премию за спектакль «Обыкновенная история». В 1969 году — звание «Заслуженный артист РСФСР». В 1980 году — звание «Народный артист РСФСР». Считается крупнейшим советским телеактером, значительно расширил эстетический телевизионный театр (в настоящее время отечественный телеактер практически не существует). Талантливый литератор, тонкий исполнитель стихов Бродского и Пушкина.

В 1990 году Козаков эмигрировал, играл в израильском театре «Гешер», преподавал, организовывал собственную антрепризу. Вернувшись из эмиграции, создал «Русскую антрепризу», недавно с большим успехом прошла ее новая премьера — «Стриндберг-блос» по пьесе Стриндберга и Дюрренматта.

Женат четвертым браком, имеет пятерых детей (младшей дочери нет и десяти лет) и пять внуков.

И все же мы порой были молодыми сегодняшних молодых — пусть наш романтизм и был замешен на наивности и простодушии. Об этом, собственно говоря, я и снял «Покровские ворота» — это ностальгия не по коммуналке, а по внутренней свободе.

Сейчас к жизни относятся очень рационально — а это, между прочим, вполне мистический опыт. Я помню, как на старых съемках, в Краснодарском крае, я вечером сидел в гостинице и вел диалог с каким-то бог весть откуда звучащим голосом: — Я не верю в реинкарнацию. — Вам это не грозит...

На кладбище, где похоронен великий русский артист Михаил Чехов, я вышел к его могиле сразу же, хотя в администрации говорили, что найти ее нельзя, — просто пошел и через несколько минут на нее наткнулся. И так же было с могилкой моего брата, похороненного под Петербургом.

Когда Аня сказала мне, что ждал Зойку, я был встревожен — наше положение так непрочное, а у нас ведь на руках еще и маленький Мишка... Но ночью я увидел во сне мать, и у нее было лицо ребенка. А когда Аня родила и протянула мне девочку, я невольно опустил руки, у нее было лицо мамы в старости, такое же маленькое, в морщинах... Недавно Зойка пошла ко мне, обхватила за ногу — папа, а тебя буду помнить...

И нормально записать меня журналистам никогда не удастся — у всех что-то происходит с пленкой. Вы лучше проверьте, а то потом схватитесь за голову. Я проверил, пленка была в порядке. Но дома обнаружил, что голос Козакова (это не может быть никогда!) звучит поверх записанной на кассету музыки. Вопросы-ответы, перекрывающий голоса блюз, и издевательское, почти человеческое подкакивание какого-то электронного инструмента: хи-хи-хи... Хи-хи-хи.

Алексей ФИЛИППОВ

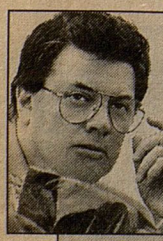
ИЗВЕСТИЯ — «Прямая линия»

(095) 209-76-82 и 209-37-22

Также вы можете присылать ваши вопросы в любое время по электронной почте: hotline@izvestia.ru.

Во вторник, 10 октября 2000 г.

На ваши вопросы отвечают:

ШИРВИНДТ
Александр Анатольевич,
актер,
режиссер театра и кино

(095) 209-76-82

КИЧИН
Валерий Семенович,
обозреватель отдела культуры
газеты «ИЗВЕСТИЯ»

(095) 209-37-22

Звоните с 11.00 до 13.00
Ждем ваших звонков!

Идентификация: 1 — М. Козаков, 2 — дочь Катерина, 3 — дочь Манана, 4 — дочь Зоя, 5 — внучка Дарья, 6 — внучка Поля, 7 — зять Константин Гуртовой (муж Кати), 8 — жена Аня, 9 — Тинатин (внучка), 10 — Маша (жена сына Кирилла), 11 — сын Кирилл